

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Михаил
Покровский

КРИТИКА
РУССКОЙ ИСТОРИИ

«Ни бог, ни царь и ни герой»

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

2023

УДК 63.3(2)
ББК 94(47)
П 48

Покровский М.Н.

П 48 Критика русской истории. «Ни бог, ни царь и ни герой». – М.: Родина, 2023. – 416 с. – (Русская история).

ISBN 978-5-00180-344-7

Такого толкования русской истории не было в учебниках царского и сталинского времени, нет и сейчас. Выдающийся российский ученый Михаил Николаевич Покровский провел огромную работу, чтобы показать, как развивалась история России на самом деле, и привлек для этого колоссальный объем фактического материала. С антинационалистических и антимонархических позиций Покровский критикует официальные теории, которые изображали «особенный путь» развития России, идеализировали русских царей и императоров, «собирателей земель» и «великих реформаторов».

Описание традиционных «героев» русской историографии занимает видное место в творчестве Михаила Покровского: монархи, полководцы, государственные и церковные деятели, дипломаты предстают в работах историка в совершенно ином свете – как эгоистические, жестокие, зачастую ограниченные личности. Главный тезис автора созвучен знаменитым словам из русского перевода «Интернационала»: «Никто не даст нам избавленья: ни бог, ни царь, и не герой...». Не случайно труды М.Н. Покровского были культовыми книгами в постреволюционные годы, но затем, по мере укрепления авторитарных тенденций в государстве, попали под запрет. Ныне читателю предоставляется возможность ознакомиться с полным курсом русской истории М.Н. Покровского – от древнейших времен до конца XIX века.

УДК 63.3(2)
ББК 94(47)

ISBN 978-5-00180-344-7

© ООО «Издательство Родина», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. С чего началась Русь	6
Глава II. Упадок Киевской Руси. Роль монголо-татарского ига	24
Глава III. Образование Московского государства	35
Глава IV. Иван Грозный. Опричнина	52
Глава V. Смута	74
Глава VI. Романовы. Политическая реставрация	127
Глава VII. Борьба за Украину	137
Глава VIII. Петровская реформа	174
Глава IX. Дворцовые перевороты	211
Глава X. Екатерина II. «Монаршизм»	248
Глава XI. Павел I. Заговор 11 марта 1801 года	273
Глава XII. Александр I. Проект реформ. Декабристы	291
Глава XIII. Политика Николая I	336
Глава XIV. Реформы Александра II. «Народники», покушение на царя	352
Глава XV. Александр III. Политическая реакция. Распространение марксизма	392

ГЛАВА I. С ЧЕГО НАЧАЛАСЬ РУСЬ

Еще писатели XVIII века никак не могли помириться на том, с чего началась Древняя Русь. В то время как пессимисты, вроде кн. Щербатова или Шлецера, готовы были рисовать наших предков X столетия красками, заимствованными с палитры современных этим авторам путешественников, создавших классический тип «дикаря», чуть не бегавшего на четвереньках, находились исследователи, которым те же самые предки казались почти просвещенными европейцами в стиле того же XVIII века. Щербатов объявил древних жителей России прямо «кочевым народом». «Хотя в России прежде ее крещения, — говорил он, — и были грады, но оные были яко пристанища, а в прочем народ, а особливо знатнейшие люди, упражнялся в войне и в набегах, по большей части в полях, переходя с места на место, жил». «Конечно, люди тут были, — солидно рассуждал Шлецер, — Бог знает, с которых пор и откуда, но люди, без правления жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли их леса». Древние русские славяне были столь подобны зверям и птицам, что торговые договоры, будто бы заключенные ими с греками, казались Шлецеру одной из самых наивных подделок, с какими только приходится иметь дело историку.

«Неправда, — возражали Щербатову и Шлецеру оптимисты вроде Болтина, — руссы жили в обществе, имели города, правление, промыслы, торговлю, сообщение с соседними народами, письмо и законы». А известный экономист начала XIX века Шторх не только признает за русскими славянами времен Рюрика торговлю, но и объясняет из этой торговли и созданного ею политического порядка возникновение самого Русского государства. «Первым благотельным последствием» ее было «построение городов, обязанных, может быть, исключительно ей и своим возникновением и своим процветанием». «Киев и Новгород скоро сделались складочными местами для левантской торговли; в обоих уже с древнейших времен их существования поселились иностранные купцы». Эта же торговля вызвала второй, несравненно более важный переворот, благодаря которому Россия получила прочную политическую организацию. «Предприимчивый дух норманнов, их торговые связи со славянами и частые поездки через Россию положили основание знаменитому союзу, подчинившему великий многочисленный народ кучке чужеземцев». И дальнейшую историю Киевской Руси, и походы князей к Царьграду, и борьбу их со степью Шторх объясняет теми же экономическими мотивами, цитируя и так хорошо известный всем теперь, благодаря курсу проф. Ключевского, рассказ Константина Баг-

Поход князя Олега с дружиной на Царьград.
 Миниатюра из Радзивилловской летописи.
 Копия XV века с оригинала начала XIII века

рянородного о торговых караванах, ежегодно направлявшихся из Киева в Константинополь.

Заново обоснованные и тонко аргументированные взгляды Шторха получили большую популярность в наши дни, но они несколько не убедили современников-пессимистов. Шлецер объявил теорию Шторха «не только не ученой, но и уродливой мыслью», и согласился сделать разве ту маленькую уступку, что начал сравнивать русских славян не со зверями и птицами, а с американскими краснокожими, «ирокезами и алгонкинцами». Спор так и перешел нерешенным к последующему поколению, где оптимистическую партию взяли на себя славянофилы, а продолжателями Шлецера и Щербатова явились западники. «По свидетельству всех писателей, отечественных и иностранных, русские издревле были народом земледельческим и оседлым, — говорит Беляев. — По словам Нестора, они и дань давали от дыма и рала, т.е. со двора, с оседлости и с сохи, с земледельческого орудия». Западники не доходили, правда, ни до признания русских славян кочевниками, ни до сравнений с американскими краснокожими. Но нельзя не заметить, с каким явным сочувствием Соловьев приводит летописную характеристику восточнославянских племен. «Исключая полян, — говорит Соловьев, — имевших обычаи кроткие и тихие... нравы остальных племен описаны у него (летописца) черными красками: древляне жили по-скотски, убивали друг друга, ели все нечистое, и брака у них не было, а похищение девиц. Радимичи, вятичи и северяне имели одинакий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое, срамословили перед отцами и перед снохами, браков у них не было, но игрища между селами, где молодые люди, стогворившись с девицами, похищали их».

Сам Соловьев прекрасно понимал, по-видимому, что это не объективное изображение быта древлян и северян, а злая сатира монаха-летописца на язычников и полянина — на враждебных полянам соседей: что начальная летопись недалеко ушла в этом случае по своей исторической точности от щедринской «Истории одного города». Но он не мог воздержаться от искушения повторить эту обличительную характеристику: слишком уж она хорошо согласовалась с тем представлением о славянах, какое сложилось у самого Соловьева. «Городов (у русских славян), как видно, было немного, — говорит он в другом месте уже от себя: — знаем, что славяне любили жить рассеянными, по родам, которым леса и болота служили вместо городов; на всем пути от Новгорода до Киева, по течению большой реки, Олег нашел только два города — Смоленск и Любеч. В средней полосе у радимичей, дреговичей и вятичей не встречается упоминаний о городах».

* * *

Если какой-нибудь спор долго длится, не находя себе разрешения, то обыкновенно виноваты здесь бывают не одни спорящие, а и самый предмет спора. И в пользу сравнительно высокого уровня

экономической — а с нею и всякой другой — культуры славян в древнейшую эпоху, и в пользу низкого уровня этой культуры источники давали достаточно доказательств; из одной и той же летописи мы узнаем и о дикости вятичей с братнею, и о торговых договорах Древней Руси с греками. Что считать правилом для Древней Руси, что исключением? Что было частным случаем, индивидуальной особенностью одного племени, и что общим достоинством всех славянских племен? Ответить на это можно, лишь отступив несколько назад от тех аргументов, которыми обменивались стороны в приведенных выше выписках. «Нестор», или, как бы его ни звали, начальный летописец, застал славян уже разделенными, и начинает свой рассказ с перечисления разошедшихся в разные стороны, но еще не позабывших друг друга славянских племен.

Если бы мы могли составить себе хотя какое-нибудь представление об экономической культуре славян до этого разделения, когда они еще жили вместе и говорили одним языком, мы получили бы некоторый *minimum*, общий, конечно, и всем русским славянам: перед нами был бы тот основной фон, на котором вышивали столь разноцветные узоры греческие и скандинавские влияния, христианская проповедь и левантская торговля. Этот фон до некоторой степени мы можем восстановить по данным лингвистики: общие всем славянским наречиям культурные термины намечают их общее культурное наследство, дают понятие об их быте не только «до прибытия Рюрика», но и до того времени, как «волохи», т.е. римляне, нашли славян сидящими по Дунаю и вытеснили их оттуда.

Лингвистические данные намечают прежде всего одну характерную черту этого архаического быта: славяне исстари были народом промысловым, и промыслы их были преимущественно, если не исключительно, лесные. Во всех славянских языках одинаково звучат название пчелы, меда и улья: бортничество является, по-видимому, коренным славянским занятием. Косвенно это указывает и на первоначальное местожительство славян: бортничество мыслимо только в лесной стороне. Это лесное происхождение наших предков вполне согласно с другими лингвистическими же указаниями. Славянское название жилья — дом, несомненно, в родстве, хотя и дальнем, с средневековым верхненемецким *Zimber* — «строевой лес» и обозначает, конечно, деревянную постройку. Напротив, каменная кладка, кажется, вовсе не была известна славянам до разделения: все относящиеся сюда термины — заимствованные. Нашекмрич есть турецкое слово *kerpidz*, древнейшее славянское плинфа — греческое, точно так же, как и название известки, древнейшее вапъно и новейшее известь. И в то время как южные и западные европейцы имеют особое слово для обозначения каменной стены (латинское *murus*, откуда немецкое *Mauer*), в славянских языках особого термина для этой цели и доныне не существует.

Археологи, на основании своих соображений, склоняются к мысли, что славяне были автохтонами Восточной Европы, исстари

жили на тех местах, где застала их история. Лингвистика в этом случае подтверждает археологию: северная, большая половина Восточно-Европейской низменности, и теперь лесная страна по преимуществу как нельзя лучше отвечает по своей природе такой лесной культуре, какую мы находим у славян. На основании данных общеславянского словаря, с одной стороны, географической номенклатуры — с другой, издавна делались попытки установить «прародину славянского племени» и более детально. Уже Надеждин в 30-х годах прошлого столетия находил «первоначальное гнездо славян» в нынешних Волынской и Подольской губерниях, захватывая и ближайшие австрийские области к западу, до северного подножия Карпат. Проф. А. Погодин, также считает славянской родиной «страну гористую и обильную болотами, как Волынь», ссылаясь на общность таких терминов, как холм, скала, гора, яр (узкая долина), юдоль, дебрь (заросшая лесом долина), яруга (болотистая долина) и т.п.

Этот пример показывает, между прочим, как опасна подобная дегализация: скалистой, с точки зрения жителей, и гористой, обильной болотами является и Финляндия не в меньшей степени, чем Волынская губерния: весь приведенный словарь отлично мог бы быть приурочен и туда», не зная мы из других источников, что славяне там никогда не жили. С другой стороны, лесную культуру, аналогичную праславянской, как рисует ее нам лингвистика, можно найти на Восточно-Европейской равнине по всему ее протяжению много ранее того хронологического предела, до которого решается выслеживать славян современная наука.

Еще Геродот в V в. до Р. X. указывает в этих местах «многочисленный народ» гелонов и будинов, причем последние со своими «светло-голубыми» глазами и рыжими волосами отвечают, если угодно, и антропологическому типу древних славян, как известно, гораздо более белокурых, чем современные. У этих народов были города, дома, храмы и идолы — все деревянное. Они занимали, по Геродоту, огромное пространство от озерной области на северо-западе до нынешней Саратовской губернии на юго-востоке. Часть их, именно будины, жили лесными промыслами: били пушного зверя и питались, между прочим, «еловыми шишками», т.е. кедровыми орехами. Другие, гелоны, были земледельцами, употребляли в пищу хлеб, занимались и садоводством. «Эллины, — говорит Геродот, — часто смешивают будинов и гелонов, — но это два разных народа». Из его описания скорее можно понять, однако, что это два культурных слоя одного и того же народа — один отчасти эллинизованный, другой — вовсе не тронутый эллинским влиянием. Особенную этнографическую окраску гелонам давало именно греческое влияние: «Первоначально гелоны были те же эллины, удалившиеся из торговых городов и поселившиеся среди будинов»; некоторые из этих греческих колонистов сохранили, по словам Геродота, и свой язык. Так за 400 лет до Р. X. культура приходила к народам Северо-Восточной Евро-